

ГЛАВА V. Революция — детище эволюции.

Из предыдущего мы знаем, что революция сопутствует эволюции. В действительности нет перерыва между вчерашним днем и сегодняшним, и завтрашний день есть продолжение кануна. Поэтому будущее общество не явится сразу совершенно готовым, а будет только тем, к чему подготовили предшествующие события. В виду этого мы не должны выжидать революции, чтобы жить согласно нашим идеалам, а должны стараться, по мере наших сил, согласовать свои действия с нашими воззрениями.

Мы считаем доказанным, что от реформ, даруемых сверху, буржуазией, нельзя ожидать освобождения рабочего класса. До тех пор, пока не будут бесследно уничтожены учреждения, задерживающие свободное развитие человечества, всякие реформы будут не что иное, как грубая приманка, рассчитанная на легковерность рабочих, или же какое-нибудь новое усовершенствование в пользу капитала, которое ему облегчит эксплуатацию рабочего класса.

Ниспровержение властей, уничтожение личной собственности и отмена денежных знаков одни только могут обеспечить освобождение рабочего класса, и было бы абсурдом ждать такового не только от буржуазного, но даже и от рабочего правительства.

Между тем, как ни обманчивы и призрачны реформы, есть люди, искренно верующие, что посредством них можно произвести улучшения в положении рабочих. Они уверены, что от парламента можно добиться таких реформ в социальном строе, которые дадут рабочим, если не богатство, то по крайней мере материальную обеспеченность. Игнорируя совершенно опыт прошлого и настоящего, они трудятся над тем, чтобы убедить выборщиков в целесообразности своих панацей и заставить их подавать голоса за тех кандидатов, которые обещают работать в духе проведения вышеупомянутых реформ.

Само собою разумеется, я говорю здесь только о людях убежденных, не делающих себе из политики профессию, и проповедующих только то, что они считают истиной.

Восхваляя реформы, убежденные эволюционисты бессознательно играют в руку политикам и сбивают рабочих с правильной дороги надеждами на улучшения; они помогают, таким образом, держать рабочих в заколдованном круге парламентаризма, в котором горечь каждого обманутого ожидания сглаживается надеждою на успех в будущем.

Но во всякой медали есть обратная сторона. Если проповедники реформ, с одной стороны, бессознательно удаляют рабочих от верного пути, то с другой стороны, они также

бессознательно, в отрицательной форме, работают над уничтожением доверия к парламентаризму; ибо хотя вся масса избирателей не разочаровывается от обманутых ожиданий и после каждого такого обмана, продолжает нести бюллетени к урнам, но отдельные личности среди них, умеющие думать, убеждаются в бессилии парламентарного режима и ищут путь к освобождению в другом направлении.

От времени до времени случается с искателями легальных лекарств от нищеты и эксплуатации, что им попадается в руки реформы, подкапывающие фундаменты буржуазного строя, и тогда буржуазия смотрит на них, как на простых революционеров. Вызываемые ими политические движения готовят рабочих к восприятию последствий социальной революции, и в зависимости от хода событий могут переродиться в движения определенно выраженного экономического характера.

Тем, кто понял, что освобождение возможно только посредством силы, нет, конечно, никакого дела до реформ; с их точки зрения, — будут ли реформы искренни, или вытекут из мотивов личного честолюбия, — работа сторонников парламентарного режима направлена к отвлечению рабочего класса в сторону от настоящего пути, и поэтому необходимо бороться с этим движением.

Всякий раз, когда в споре мы имеем дело с оппонентом, предполагается, что он искренен, и что оспаривается не его убеждение, но выводы, делаемые им из идей, выразителем которых он является, и результаты этих выводов; можно очень неискренно высказывать очень хорошие мысли и наоборот очень искренно высказывать абсурд, поэтому мы должны обсуждать идеи оппонента, а не его искренность.

Так как мы убедились, что легальная агитация не может привести к желанному результату и старались доказать рабочим, что им не стоит терять время на эту игру, то нас обвинили, якобы мы противники временного улучшения положения рабочих и задались целью помешать таковому.

Это тоже не верно. Когда мы доказываем рабочим, что им нечего ждать от сословия, которое их эксплуатирует и что половинчатая реформа — вздор, мы не говорим, что рабочие должны отказываться от полуреформы, раз она им предлагается; мы только оспариваем логику, направленную к тому, чтобы уверить рабочих, что эта полуреформа и есть цель, к которой им должно стремиться, и что она-то, по существу своему, может создать им освобождение.

Мы хотим уберечь их от разочарования и разорвать тот заколдованный круг, по которому они беспрестанно гонятся за какой-то новой реформой.

Если бы было возможно вести кампанию на два фронта, т. е. добиваться реформ и в то же время пропагандировать их нецелесообразность, мы не преминули бы это делать, ибо применение реформ к жизни доставило бы лучшие доказательства непригодности их; но так как одностороннее мышление толпы не могло бы приспособиться к такому образу действий, то мы вынуждены ограничиться только тем, что проповедуем бесцельность реформ, спорим против тех, кто желал бы вовлечь нас в кампанию в пользу таковых, и ждем, пока сами

события не принесут с собой доказательств нашей правоты; а это они делают, между прочим, каждый день.

В смысле ускорения распространения истины, было бы вероятно лучше, если бы деление общества было строго определенное т. е. общество делилось бы на два класса: эксплуатирующих и эксплуатируемых; тогда между рабочими и эксплуататорами не стояли бы те промежуточные элементы, которые только мешают им видеть правду и вносят в их ряды замешательство своими бесчисленными аргументациями, и таким образом для человечества сбереглось бы не мало лишне затраченного труда; к сожалению, этого нет и в борьбе которую мы ведем, мы должны считаться лишь с действительностью.

В обществе, как и в природе нет цельного типа: самый сильный яд, принимаемый в малых дозах, служит противоядием; точно также сторонники реформ, хотя и сеют заблуждение, но вместе с тем и содействуют дискредитированию существующего социального строя

Для того, чтобы убедить общество в необходимости новых реформ, нужно констатировать в общественной организации известные ненормальности, которые желательно исправить; восхваляя реформы, нужно критиковать эти ненормальности и указывать на целесообразность реформ в смысле устранения таковых. Таким именно путем в общую массу фактов и аргументов против существующего социального строя внесли свою долю наука и литература.

От столкновения идей возникает эволюционным образом новое течение, еще не совсем, быть может, революционное, но и не носящее уже следов выжидательных тенденций. В области идей большая масса всегда склонна выбрать середину; поэтому партизаны прогресса не должны останавливаться перед опасением, что зайдут слишком далеко, а должны всегда требовать возможно большего, имея в виду, что большинство, само по себе, расположено довольствоваться малым.

Зная свойство толпы низводить идеи до своего уровня, можно было бы даже усумниться в успехе прогресса, если бы прошлое не показало, что насколько толпа инертна в спокойное время, настолько же она нетерпелива во время революции, и что тогда весьма легко незначительному меньшинству личностей, сознательных и решительных, заставить толпу проникнуться самыми широкими идеями, если только она к этому была подготовлена умелой пропагандой.

Последствием непрекращающейся пропаганды явилось еще то, что увлекшиеся идеей индивидуумы пытаются проводить ее в жизнь, в пределах, допускаемых существующими законами. Таким образом некоторые идеи проникают в жизнь, реформируют нравы и готовят почву для новых идей. Так, например, не смотря на все презрение к так называемой «свободной любви», общество признало и уважает некоторые свободные браки, не санкционированные церковью и властями. В данном случае воля лиц, соединяющихся брачными узами, сумела импонировать окружающей среде и заставить ее признать брак действительным, как будто таковой был зарегистрирован властями.

С каждым днем подрывается авторитет власти; ежечасно умаляется доверие к современным учреждениям и увеличивается число индивидуумов, стремящихся удалиться из сферы их действий. Каждый день видим новые организации, образующиеся в дополнение к функциям Государства, в то время как еще недавно поддержка его считалась существенно важной, что без неё не предпринималось ни одно общественное дело.

Но мало-по-малу идеи перерождаются и в свою очередь перерождают нравы, а интенсивность убеждения индивидуумов подчиняет им окружающую среду, заставляя ее приспособляться к их способу мышления. Попытки делаемые в этом направлении венчаются успехом, или терпят неудачу, но во всяком случае не проходят бесследно.

К таким попыткам можно отнести эмиграцию в девственные страны ради проведения в жизнь некоторых социалистических концепций. В большинстве случаев они кончались неудачей, ибо участники ассоциаций, за недостатком времени, или средств, или знания, не всегда соблюдают условия, необходимые для успеха такого рода опытов. Кроме того, привычки старой цивилизации повсюду следуют за людьми, и достаточно малейшего послабления к себе со стороны человека, чтобы он снова подпал под их развращающее влияние.

Эмигранты должны были поддерживать некоторые сношения со старым миром, с которым их связывала зависимость от него, ввиду недостатка разнообразнейших предметов первой необходимости и неимения средств производить таковые; отсюда абсолютная невозможность согласовать новую жизнь с идеалами.

Неудачи таких попыток нисколько, однако, не порочат логики новых идей, а только доказывают несовместимость их с современным строем и необходимость устранить его ради свободной эволюции новых идей.

Всякий раз, когда новаторы со своими новыми идеями начинают становиться опасными для буржуазии и её привилегий, находятся неразумные люди, советующие схватить всех недовольных и отправить их на какой-либо остров, снабдив всеми орудиями производства, и там предоставить им осуществлять на практике проекты нового общества.

Такое решение вопроса весьма любезно, но предложение этих господ может быть принято разве только за шутку, да будет позволено сказать им это здесь, если они сами не сознают этого.

Вообразим себе, что нескольким лицам достается наследство, состоящее из обширных участков отлично возделанной земли, из жилого дома, снабженного всеми новейшими удобствами, обставленного всеми изобретениями человеческого гения, с библиотекой, состоящей из лучших произведений литературы, и предположим, что, когда дело дойдет до общего пользования наследством, некоторые из наследников обратятся к остальным с такую речью:

«Да, мы все наследники; это правда; но мы воспитывались в этом доме и привыкли наслаждаться роскошью собранной в нем, и мы никогда ничего не делали, вы же работали: наблюдали за машинами, возделывали землю, строили дом, который теперь мы

наследовали, поэтому вы не можете хотеть жить наравне с нами. Для обработки земли, дозора за машинами и ухода за домом нужны люди; если вы будете жить с нами в этом доме, вы не захотите, пожалуй, работать, чего и мы твердо решили не делать. Конечно, вас больше, чем нас, и если бы дело дошло до рукопашной схватки, возможно, что мы не оказались бы сильнейшими; но мы добры, и вот что можно сделать для вас, мы заплатим за ваш проезд; на Огненной Земле есть земли никому не принадлежащие; мы вам дадим орудия производства и кое какие мелкие вещи, которыми можете вести меновую торговлю с Песереками; зато там у вас будет свобода делать все, что вам угодно, не стесняя людей. Мы же возьмем себе наследство, и таким образом все будем довольны!»!

Такова логика буржуазии, когда она рабочим, недовольным своим положением, предлагает эмигрировать.

В их руках богатство, средства производства, вся сумма человеческих знаний, одним словом все плоды цивилизации, все факторы развития, какие достались человечеству от прошлых поколений, а когда мы требуем от них свою долю наследства, они отсылают нас к гренландцам или ботокудам, которые нам ничего не должны. Нам нечего итти так далеко искать чего-то, что несуществует, когда то, что нам нужно, находится здесь под рукою.

Трудом своим мы завоевали себе право на то, что существует, и мы сумеем отстоять наши права.

Рядом с опытами осуществления идеального общества, вдали от цивилизации, опытами, интересными для изучения, в смысле уроков для будущего, даже когда они терпят неудачу, производятся такие же опыты, по мере возможности, и среди современного общества.

Одними такие опыты делаются в их частной жизни, в сношениях с окружающими; другие группируются вместе, чтобы обеспечить за своими планами широкое развитие и придать осуществлению их более реальное значение.

Так, например, за несколько времени до реакции 93 года, съорганизовалась группа лиц с целью устройства мастерской, куда бы всякий, в свободное время, мог приходить работать и производить предметы, предназначавшиеся не только в распоряжение участников мастерской, но и их соседей, друзей и т. д., которые вместо платы обязывались бы только изучать внимательно идеи, положенные в основу ассоциации.

Предполагалось, заготовив предметы, справляться, кому они больше всего нужны, или же, не приступая к производству, предварительно определить, сколько именно предметов могло быть изготовлено, и затем наводить справки о нуждах потребителей и изготавливать нужные предметы.

Группа должна была отказаться от всякой коммерческой операции и даже от всего, что могло походить на таковую. Не смотря на то, что сношения должны были охватывать широкие круги и распространяться до сфер самых отдаленных, при отсутствии какого-либо контроля, чтобы сохранить за группой характер взаимопомощи, выражающейся обменом услуг, а не продуктов, от участников требовалось бы только одно — добросовестность. Каждый мог бы брать из общей массы продуктов то, что ему понравится, будучи

удерживаем от злоупотребления только своей совестью; каждый должен был бы вносить в общую массу то, что подскажет ему его добрая воля.

Из членских взносов деньгами, соразмерно со средствами каждого, должна была образоваться касса для покупки первых необходимых материалов.

Группа уже было наняла помещение под мастерскую, в которой изготовлялась и починялась мебель; арендовано было поле, на котором участники собирались возделывать овощи для нужд своих семейств; предполагалось даже иметь лишние для раздачи тем, кто оказался бы способным понять идею, руководившую группой.

Впоследствии, при дальнейшем благоприятном развитии группы, предполагалось основать библиотеку в которой были бы собраны все лучшие книги, научные, а также по литературе и истории, для того чтобы просвещать тех, кто обращался бы за сведениями; при дальнейшем прогрессе, при библиотеке открылась бы школа для детей.

Буржуа нам скажут, что так как всякий мог брать из общего склада, не будучи принужден в свою очередь вкладывать в него, то ассоциация не могла бы долго просуществовать, ибо брали бы все, а не отдавал бы никто. Группа не достаточно долго просуществовала, чтобы можно было узнать результаты. Буржуазия, во всяком случае, не стала их ждать, и поторопилось обвинить некоторых членов группы в преступных замыслах, и таким образом положила конец опыту.

Везде есть чужеродные организмы, и очень возможно, что они проникли бы и в группу; факт этот не служил бы доказательством против неё; если бы опыт продолжался, индивидуумы приучались бы руководиться в сношениях между собою солидарностью, и обходиться без денежных знаков, так как взаимные услуги не оценивались бы деньгами: один вносил бы свою рабочую силу, другой — смысленность или знание, третий материалы. Вряд ли можно произвести в современном обществе лучший опыт.

Вряд ли можно изобрести лучший способ доказательства, что можно организовать общество, въ котором не будет ни денежных знаков, ни власти, ни оценки затраченных сил, как дать людям возможность убедиться в этом путем наглядного примера.

Метод предоставления индивидуумам, способным понять идеал, права пользоваться трудами группы, без сомнения, привлек бы участников. Из них некоторые злоупотребляли бы доверием, но неразвращенное еще буржуазным обществом большинство не захотело бы брать из общего склада без отдачи, и не понимая идеи, все-таки старалось бы быть полезным внесением своей доброй воли в общее дело производства; таким образом оно путем практики достигало бы уразумения теории.

Кооперативные общества производителей и потребителей, конечно, улучшают до некоторой степени положение тех, кто в них участвует, но в смысле решения вопроса скорее имеют обратное действие, ибо делают участников капиталистами и эксплуататорами, столь же реакционными как и буржуа, если не более того.

Становясь участниками в акционерных прибылях, рабочие начинают мечтать о скоплении капиталов, долженствующих их всех сделать рантьеями; получив возможность эксплуатировать других, они мечтают о личном освобождении и стремятся всеми силами к нему, в ущерб своих товарищей по зависимому положению. Все нынешние общества взаимопомощи и страхования жизни рассчитаны на самый грубый эгоизм, потому что тот, кто часто хворает, устраняется из общества, которое может существовать только при том условии, что больных будет немного.

Я не говорю уже о современных обществах страхования доходов, в которых каждый участник ждет, чтобы соучастники умерли раньше достижения возраста, дающего право на получение дохода, так как доходы могут быть выплачиваемы лишь при условии сокращения числа участников, имеющих на них право.

Упомянутая мною выше предполагавшаяся ассоциация представляла бы осуществление на практике солидарности и взаимопомощи, как мы их понимаем; в ней индивидуумы нашли бы улучшение своей участи, без того стремления к роскоши, которое развивается в капиталистических организациях. Они научились бы считать друг друга братьями, и ожидать удовлетворения своих потребностей от всеобщего благосостояния, вместо того, чтобы смотреть на каждого члена ассоциации, как на врага, доля которого в общем производстве уменьшает его личную долю, равно как и долю всех прочих участников.

Если бы несколько групп успели съорганизоваться в разных местах и завязать сношения между собою, в них олицетворялись бы различные виды индивидуального производства, и это дало бы им возможность расширить поприще своей деятельности. В массе участников нашлись бы такие, которые вносили бы материалы первой необходимости, и их не пришлось бы покупать; другие вносили бы хлеб в зерне и прочие предметы потребления. Известное число индивидуумов нашло бы в них для себя занятие и избегло бы необходимости продавать свой труд эксплуататорам, и таким образом индивидуумы в группе нашли бы возможность во многих случаях избежать кавдинских ущелий капитала.

Совершенно освободиться от него нельзя бы было; ибо до тех пор, пока будет существовать современный строй, индивидуум будет в зависимости от капитала, завладевшего почвой, рудниками, средствами передвижения, без которых нельзя обойтись, ни заменить другим; тем не менее, в ограниченной сравнительно сфере деятельности, какую удалось бы завоевать, было бы сделано многое, и если бы с течением времени рабочие могли хоть отчасти избавиться от гнета капиталистической промышленности, то и это равнялось бы целому перевороту.

Описанная выше организация, сумев развиваться в среде современного общества, подготовила бы его распадение; раньше или позже буржуазия приняла бы меры, чтобы приостановить развитие ея. В данном случае, как мы знаем, она не ждала долго; но за первым неудачным опытом последует десять новых, ибо эволюция продолжает совершаться, несмотря на мероприятия реакции.

Реакционные меры могут только затормозить развитие идеи, но не остановить ее; часто они только ускоряют её распространение; поэтому не будем терять надежды на то, что опыты,

подобные выше описанному, повторяются, быть может в иной форме, в зависимости от обстоятельств, при которых возникнут, но в том же духе и направлении. Какая-то внутренняя сила побуждает индивидуум приспособлять поступки к своему образу мышления. Когда убеждение приобретет известную степень интенсивности, то волей неволей происходит такое приспособление, при чем задерживающие факторы остаются обойденными или устраняются насильно,

Наконец, настанет момент, когда вследствие многочисленности таких организованных групп, существующие правительства окажутся не в силах противиться им. Тогда начнется падение царства буржуазии, которое послужит началом будущего общества, свободного развития, и это потребует проложивший себе дорогу дух свободы и солидарности, перед лицом которого должны будут исчезнуть эксплуатация и привилегии старого строя.

Тогда именно настанет неизбежность революции, потому что привилегированные сословия никогда не откажутся добровольно от своих привилегий; имея в руках власть, они будут стремиться удержать за собою господство; новые идеи созреют, но старый порядок вещей будет еще на лицо и, опираясь на социальные силы, захочет сопротивляться врагу, и война сделается неизбежной. Эволюция совершилась, но она еще окутана целой сетью законов и ограничений, направленных к уничтожению её, и чтобы не погибнуть она должна будет устранить их во чтобы то ни стало; и тогда эволюция превратится в революцию.

Последняя необходима, чтобы очистить почву от привилегий и насилий, задерживающих эволюцию человечества, но будущее общество может начать жить раньше революции: мы можем произвести опыт осуществления его в любое время, лишь только из нас составитя группа, убежденная в правде наших идеалов.

Версия #2

██████████ ██████████ создал 8 июля 2025 15:19:29

██████████ ██████████ обновил 8 июля 2025 15:51:58